

Прибалтийско- финские народы России

Ответственные редакторы:
Е.И. КЛЕМЕНТЬЕВ, Н.В. ШЛЫГИНА

КР III 1366808

МОСКВА
НАУКА
2003

КАРЕЛЫ

По данным переписи 1989 г., на территории Советского Союза насчитывалось 130 929 человек карел. Большая их часть живет в настоящее время в Республике Карелия (78 929 человек) и значительная группа так называемых тверских карел – в Тверской области (23 169 человек). Карелы расселены в Мурманской (3 505 человек) и Ленинградской (3 371 человек) областях; в центральных городах – Петербурге и Москве насчитывается соответственно 3 607 и 1 245 человек. Жили карелы и в ближайших к Карелии областях – в Архангельской, Вологодской и др. В результате эвакуации в военные годы немалое число карел осело в различных частях Союза, включая южные районы (например, Краснодарский край), в Сибири и на Урале. В сумме их численность в этих регионах составляет 4,5 тыс. человек. Свыше 6 тыс. карел оказались теперь за пределами Российской Федерации – в Белоруссии, Эстонии, Казахстане.

Язык карел относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской языковой семьи. В нем различаются три диалекта: собственно-карельский, ливвиковский и людиковский. Собственно-карельский диалект распространен в северной и средней частях Карелии и у верхневолжских карел, где он делится на ряд местных говоров. Ливвиковский диалект распространен в юго-западной части Карелии, людиковский – на ее юго-востоке, в Кондопожском районе и части Пряжинского.

Самоназвание карел – *карьяла, карьялайнен*; наряду с этим в районах ливвиковского диалекта помнят и самоназвание “ливвик” – *ливгилайнен, ливвикей*, а в ареале людикского диалекта употребляется также этноним “людик” – *лююдилайнен, лююдикой*.

Следует оговорить то обстоятельство, что для названия древнего карельского этноса в науке утвердилось написание его через “о” – *корела*, так же, как и в названии их земель, а позже уездов официальными были наименования Корельская земля, Корельский уезд.

ИСТОРИЯ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА

ГИПОТЕЗЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КАРЕЛ

Проблема происхождения карел долгое время оставалась дискуссионной. По одной из гипотез карелы составляли большую часть населения легендарной Биармии, занимавшей окрестности Белого моря. После распада этого государства карелы двинулись в западном и южном направлении, к Онежскому и Ладожскому озерам и Финскому заливу.

В начале XX в. в финляндской литературе получают распространение теории западного происхождения карел, по которым карелы – прямые потомки западнофинского племени *хяме* (семь русских источников), предположительно занимавшего в I тысячелетии н.э. земли Карельского перешейка (см: *Кочкуркина*, 1982. С. 7). Однако некоторые финляндские археологи того времени (А.М. Тальгрен, А. Европеус, К.А. Нордман) считали идею западного происхождения карел необоснованной. Так, К.А. Нордман полагал, что карелы сформировались в результате смешения восточных и западных элементов и что их культура уже в I тысячелетии н.э. отличалась от западнофинской. Нордман отверг также распространенное у финляндских исследователей представление, будто походы викингов были причиной подъема и расцвета карельской культуры того времени. Он убедительно показал, что именно их прекращение способствовало подъему Корельской земли в XII–XVI вв. и признавал прогрессивным влияние Новгорода на карел (*Nordman*, 1924. S. 182–196).

Гипотеза о заселении Карельского перешейка с востока сформулирована в 1930-е годы известным советским археологом В.И. Равдоникасом на основании археологических материалов из курганов Олонецкого перешейка. Он придерживался распространенной точки зрения о карелах, как довольно поздно сформировавшемся этническом образовании. Равдоникас полагал, что племя корела до конца XI в. жило в восточном Приладожье, а затем в конце XI–XII в. заселило и северо-западное Приладожье (*Равдоникас*, 1930; С. 6–7, 25; 1940. С. 11). Однако современные археологические материалы не подтверждают этого предположения. Сегодня доказано, что население, оставившее курганы на Олонецком перешейке, не могло принимать участия в формировании племени корела (*Кочкуркина*, 1975. С. 303–305).

В середине XX в. крупнейшим российским финно-угроведом Д.В. Бубрихом была разработана концепция происхождения карел, базирующаяся на лингвистическом материале. По его мнению, до возникновения Древнерусского государства на Карельском перешейке кочевали лишь редкие саамские родо-племенные группы. Корела же начала формироваться в период образования Древнерусского государства. Откуда она пришла, Д.В. Бубрих не дал убедительного ответа. Он полагал, что это население частью пришло с запада, из земель еми, частью из мест, близких к Чудскому озеру и Новгороду; допускал также участие в сложении корелы и древней веси (*Бубрих*, 1947; 1971).

В последние годы в отечественной и зарубежной литературе рассматривают древних карел как особый этнос, возникший на базе местного, западнофинского и пришедшего из юго-восточного Приладожья населения. Однако некоторые ученые, в частности – финляндский историк Х. Киркинен, считают что

совокупность археологических, лингвистических и исторических данных говорит против западного участия “емского” элемента в составе корелы. Киркинен считает, что племя корела формировалось одновременно с Новгородским государством в результате смешения чудских, прибалтийско-финских, вепсских, а может быть, и варяжских компонентов (Kirkinen, 1963. S. 31, 35). При этом предполагает, что корела сложились только в XI–XII вв. Отечественные исследователи, напротив, считают, что формирование корелы произошло уже в первой половине I тысячелетия н.э. (Жербин, Шаскольский, 1976. С. 37; Шаскольский, 1979. С. 44).

Данные топонимики помогают уточнить территорию расселения карел и пути их миграции в далеком прошлом. В северо-западном Приладожье древними оказываются саамские топонимы, а основной пласт составляют карельские. По отношению к ним топонимы славянского происхождения более поздние, хотя довольно часты в ландшафте Карельского перешейка (см. гл. 3 “Саамский язык” раздела “Карелы” настоящего издания).

Относительно территории расселения корелы в XII–XIV вв. у исследователей в настоящее время нет принципиальных разногласий. Историки, археологи, лингвисты и фольклористы считают, что это были Карельский перешеек и северо-западное побережье Ладожского озера, а г. Корела являлся племенным центром. Населению земли южной Саво и Приладожской Карелии были свойственны многие общие черты культуры. Однако некоторая удаленность ее от карельского центра, влияние западных соседей, политические акции (Ореховецкий мирный договор 1323 г.) привели к нарушению восточных связей. Постепенно местное население стало отличаться по культуре от населения Карельского перешейка.

ДРЕВНЯЯ КОРЕЛА

Упоминания о древних карелах достаточно часты как в западноевропейских, так и русских письменных источниках (см.: Кочкуркина, Спиридовон, Джаксон, 1990). Сведения о них содержатся в древнескандинавских географических сочинениях, латиноязычной хронике “История Норвегии”, исландских анналах, королевских и родовых сагах и сагах о древних временах (по современной классификации). Их дополняют фрагмент договора XIII в. между Норвегией и Новгородом, буллы папы римского, шведские рифмованные хроники, в том числе древнейшая “Хроника Эрика” XIII–XIV вв. и “Хроника XV в.”. “Карилы” названы и в средневековом латинском анонимном географическом трактате второй половины XIII в., известном, как “Описание земель”. Он введен в научный оборот в 1979 г. американским исследователем Марвином Л. Колкером и опубликован на русском языке в 1993 г. (Чекин, 1993. С. 206–225). Отметим, что в западноевропейских источниках древние карелы выступают как конкуренты в освоении северных районов, пограничных с Норвегией.

Суммируя данные этих источников, в первую очередь русских летописей, можно полагать, что существовало несколько групп корелы: корела центральной части Карельского перешейка, привыборгская, присайменская, приботнийская и ижора (Бубрих, 1947). Летописи сообщают также о “немецкой” городецкой (т.е. привыборгской), семидесятской и кобылицкой кореле. Определенные затруднения вызывает локализация семидесятской корелы. Одни исследователи считают, что речь идет о саволакской кореле и г. Нишлоте (Гиппинг, 1909. С. 148. Примеч. 107), другие полагают, что это приботнийская корела (Егоров, 1930; Julki, 1968). Кобылицкая корела, судя по летописным сообщениям под

1338 г., жила, вероятно, в окрестностях нынешнего Токсова Ленинградской области. Именно в границах этого района переписная книга Водской пятины довольно часто упоминает деревни “на Кобылицах”. Не исключено, однако, что кобылицкая корела обитала на территории Саво (*Кочкуркина*, 1982. С. 74–75).

Таким образом, в эпоху средневековья летописная корела жила в северо-западном Приладожье (с центром в городке Корела), в юго-восточной Финляндии и северной Приботнии, отдельные древнекарельские группы существовали, видимо, и в провинции Хяме, и на Ижорском плато. Северо-западное Приладожье, подвластное Новгороду, в значительной мере отличалось от других карельских ареалов, которые были отделены большими пространствами, и связи между ними постепенно ослабевали.

Археологические материалы позволяют восстановить картину образа жизни, культуры и культурных связей древней корелы. Они были накоплены в ходе более, чем ста лет, благодаря раскопкам отечественных и финляндских исследователей. Из их числа следует упомянуть работы Т. Швингта (*Schwindt*, 1893) и Я. Аппельгрена (*Appelgren*, 1891) в конце XIX в. Существенный вклад в изучение древностей северо-западного Приладожья в 1930–1940-е годы внесла Э. Кивикоски – известный специалист по археологии Фенноскандии (*Kivikoski*, 1942; 1944; 1973). С 1970–1980-х годов археологические раскопки в Приладожье вели А.Н. Кирпичников, С.И. Кочкуркина, А.И. Сакса, А.В. Тюленев.

На территории расселения летописной корелы в период I – начала II тысячелетия н.э. известны 17 могил и могильников, шесть кладов и отдельных находок монет, ряд случайных находок и предметы X–XI вв., собранные при раскопках более поздних древнекарельских городищ. Поселений этого времени не выявлено (*Кочкуркина*, 1981; 1982). По погребальным обрядам и сопровождающим вещам памятники близки синхронным древностям из Финляндии и Эстонии, что может свидетельствовать о частичном передвижении населения из Скандинавии, западной Финляндии и Прибалтики на берега Ладоги и о его разнородном этническом составе. Материальная культура этого периода в общих чертах интернациональна. Мечи (типы Н, Е, Х, Q, S, T, по классификации Петерсена (*Petersen*, 1923), наконечники копий (типы Е, G, M) и топоры, найденные на территории летописной корелы, аналогичны оружию Северной Европы того времени. Некоторые предметы украшений из трупосожжения в Куркийёки-Лопотти – овально-выпуклые фибулы типа 27 по классификации Петерсена (*Petersen*, 1928), ажурные круглые застежки типа В по классификации Аппельгрена (*Appelgren*, 1897), арбалетная фибула – указывают на связи со Швецией, Финляндией и Прибалтикой. Это равноплечие фибулы скандинавского происхождения, а также изготовленные по их образцам. Крученым и железным проволочным гравнам есть соответствия и в древнерусских землях, Прибалтике и Финляндии. К кругу западных древностей относятся подковообразные фибулы с многогранными головками и шипами на них. Массивные бронзовые браслеты с полой средней частью, закрывающейся ажурной вставкой, найденные в упомянутых могильниках, известны в Фенноскандии (кроме западной Финляндии) и в юго-восточном Приладожье. К западным древностям близки поясные бляшки, железные бритвы, поясные крючки-скрепы.

О связях с древнерусскими территориями свидетельствуют калачевидная серьга, ромбощитковое височное кольцо, орнаментированные пластинчатые подвески, сердоликовые бусы и некоторые типы стеклянных бус, шумящие подвески, бронзовые игольники в виде ножен и трубчатый игольник с ажурным овалом.

Карта 5. Ареал памятников карел V–XI вв. (составлена С.И. Кочкуркиной)

а – могилы и могильники, б – клады монет; 1–3 – номера памятников: 1–2 – Коукунниеми, 3 – Улякууса, 4 – Уосуккала, 5 – Лапинлахти, 6 – Наскалинмяки, 7–8 – Хенномяки, 9 – Эсари, 10 – Калмистомяки, 11 – Кийсанлахти, 12 – Лопотти, 13 – Куупала, 14 – Нукутталахти, 15 – Хелюля, 16 – Мийнала, 17 – Мантсинсаари, 18–19 – Рауту, 20 – Хейнйоки, 21 – Выборг, 22 – Кяксалмии, 23 – Куркиёки

Археологические памятники XII–XV вв. представлены поселениями, городищами-убежищами, так называемыми хозяйственными сооружениями, могильниками с 66 могилами, погребениями с городища Тиверск, кладами с серебряными вещами.

Поселения обнаружены на берегу залива Ладожского озера, вблизи пос. Куркиёки (Хямеенлахти), на островах р. Вуоксы (Тиверск и Корела), на берегах рек, в 1–2 км от их устья (Паасо и Лопотти). На четырех последних памятниках обнаружены остатки более древних поселений и погребений.

На топографии поселений, конструктивных особенностях застройки с использованием защитных свойств микрорельефа отражалась напряженная внешнеполитическая обстановка. Внешние оборонительные линии создавались в виде каменных стен и валов, а дома и постройки ставились таким образом, чтобы создать защитную линию. Дома были деревянными на каменном фундаменте, площадью от 18–20 до 54 кв. м, отапливались очагами и печами, сложенными из мелких камней и обмазанными глиной. Хозяйственные комплексы размещались в помещениях, кузнечные и гончарные горны, кузницы – за их пределами.

На острове посреди р. Вуоксы, в 2–4 км от ее впадения в Ладожское озеро располагалась крепость Корела – административный центр древнекарельской

территории. Планировка, жилые постройки срубного типа, обилие вещей русского городского ремесла свидетельствуют о доминирующей роли русского населения. Следы древних карел выявлены по археологическим предметам и писцовыми книгам конца XV в.

В бассейне р. Вуоксы исследованы в основном могильники. Для погребальных памятников корелы характерна их близость к участкам, пригодным для земледелия. Традиция закладывать кладбища по соседству с полями и поселениями, прослеженная в I тысячелетии, сохранилась долго, поэтому они иногда территориально совпадают с могильниками и городищами XII–XV вв. (Тверск, Корела, Лопотти, Паасо).

Господствующим обрядом погребения было трупоположение; трупосожжение отмечено лишь в некоторых могилах. Погребения ориентированы головой на север с отклонением к западу или востоку (хотя встречается и другая ориентация), захоронения проводились в деревянных срубах с дощатым настилом, покрытым шкурами животных. Хоронили в праздничной одежде; в могилах обнаружены разнообразные предметы, в том числе и христианского культа. Поминальные обряды совершались у могилы. В жертву приносили лошадь или собаку, овцу или корову. Остатки тризны складывали в посуду и ставили у могилы.

В Приладожье много территорий, покрытых мелкозернистыми породами, подходящих для земледелия, – в первую очередь на берегах Ладожского озера и в долинах рек. Это способствовало тому, что поселения и активная хозяйственная деятельность были сосредоточены в прибрежной полосе Ладожского озера.

Благоприятные условия способствовали развитию в Приладожье земледелия. Сеяли в основном рожь, ячмень, овес. По всей вероятности, в начале II тысячелетия н.э., как и в лесной полосе России, здесь стали пользоваться сохой, что способствовало получению более высоких урожаев при длительной эксплуатации подсеки. К концу XV в., по свидетельству писцовых книг, уже повсеместно применялась и трехпольная система земледелия.

Роль животноводства у карел уже в то время была немалой. По остаткам костей в археологических памятниках установлено, что корела держала лошадей, овец, свиней, в большом количестве низкорослых коров.

Важное значение имели охота и рыболовство. Раскопки обнаруживают специально предназначенные для охоты железные и костяные наконечники стрел. Шкурками пушных зверей выплачивались феодальные повинности. Охотничья терминология в топонимах распространена по всей территории расселения древних карел, но особенно плотно – в северной части. Археологические материалы свидетельствуют, что рыбу ловили с помощью острог, гарпунов, удочек и сетей. Глиняные и каменные грузила для сетей, крючки, берестяные поплавки – довольно частые находки.

Несомненно, широко было распространено бортничество: после пушнины воск был важнейшим экспортным товаром Руси, и о карельском воске упоминается, в частности, в договорной грамоте 1342 г. Новгорода с Ригой, Готским берегом и немецкими городами.

Древним карелам были известны различные ремесла. Особенно богаты материалы, позволяющие восстановить уровень развития железообработки и ювелирного дела. Они отражают к тому же торговые и культурные контакты корелы в период Новгородской республики и потому заслуживают особого внимания.

Железоделательное производство базировалось на местных болотных рудах. Оно отличалось высокой степенью сложности и не уступало в этом древнерусским городам, прежде всего Новгороду, под влиянием которого развивалось

(Хомутова, 1982). Использовались те же технологические схемы: трехслойный пакет, вварка стальной полосы в рабочую часть клинка, наварка стального лезвия на железный клинок. Местным ремесленникам были известны термическая обработка, паяние, обмезднение железных изделий. При изготовлении разнообразного кузнечного инвентаря применялись вытяжка, рубка, обрезка, пробивка отверстий, изгиб, скручивание. На некоторых предметах прослежена художественная кузнечная ковка. Среди находок того периода обнаружены разнообразные инструменты местного производства для обработки дерева и ювелирных работ, сапожного, шорного, ткацкого, оружейного ремесел, сельскохозяйственный и промысловый инвентарь; бытовые предметы: ножи, серпы, бритвы, замки, ключи, кресала и т.д.

Меднолитейное дело в древнекарельских землях также развивалось в русле новгородских традиций; использовались сложные, аналогичные новгородским сплавы. Вещи X–XII вв. сделаны в основном из сплава меди с цинком, в XIII–XIV вв. растет доля продукции из “чистой” меди, свинцово-оловянной и оловянной бронзы. Применялись лячки, тигли, разнообразный инструментарий: молоточки, зубила, бородки для пробивания отверстий, пинцеты, бронзовыес весы для взвешивания компонентов при составлении сложных сплавов из цветных металлов.

Найденные многочисленные ювелирные изделия отражают особенности древнекарельской одежды, в первую очередь женской: серебряные и медные украшения для крепления к волосам головного покрывала, круглые выпуклые фибулы, которыми застегивали ворот рубахи. Крупные подковообразные, с растительным узором фибулы в научной литературе получили название “карельских”. Их находки сконцентрированы в центральной части Карельского перешейка и в юго-восточной части земли Саво, они встречаются также на Ижорской земле и в Эстонии. Наиболее распространенными были овально-выпуклые фибулы нескольких типов (C1-C3, D, F1-F4, H, по Э. Линтури. – *Линтури*, 1984).

В женских нагрудных украшениях между овально-выпуклыми фибулами и цепедержателями располагались пронизки, своей формой напоминающие букву Ф. Через них пропускался шнур, один конец которого привязывался к верхнему украшению, другой – к нижнему. Иногда между Ф-образной пронизкой и цепедержателем помещались металлические бусы. К ушкам пронизок подвешивались миниатюрные украшения треугольной, ромбической, сердцевидной формы, а также в виде бубенчиков, лапок водоплавающей птицы. Такие украшения найдены в памятниках центральной части Карельского перешейка, но они неизвестны на северном берегу Ладоги. В западную Финляндию, очевидно, занесены выходцами с Карельского перешейка; они характерны также для перми вычегодской с X по XIV в. (Савельева, 1971. Табл. 35, 8, 9; 36, 18–21; 1972. С. 13).

Сpirалевидные, усложненной формы цепедержатели (серебряные и медные) следует считать, видимо, местным изобретением. За пределами территории летописной корели лишь единичные их экземпляры встречены на о. Готланде, о. Сааремаа, на Ижорском плато, в погребении у д. Пьянково около Костромы, в Орешке, в Новгороде (Кочкуркина, 1982. С. 112–113).

Наиболее распространенными были ажурные, крестообразной формы цепедержатели, имитирующие плетение двойного металлического шнуря, с приклепанными к нижней части ушками, к которым подвешивались бубенчики, но чаще – сердцевидные подвески. Их ареал – северо-западное Приладожье. На территории современной Финляндии они найдены на юго-востоке, в озёрном крае, в могильниках Тууккала и Каускила. За пределами этого ареала подобных изделий нет.

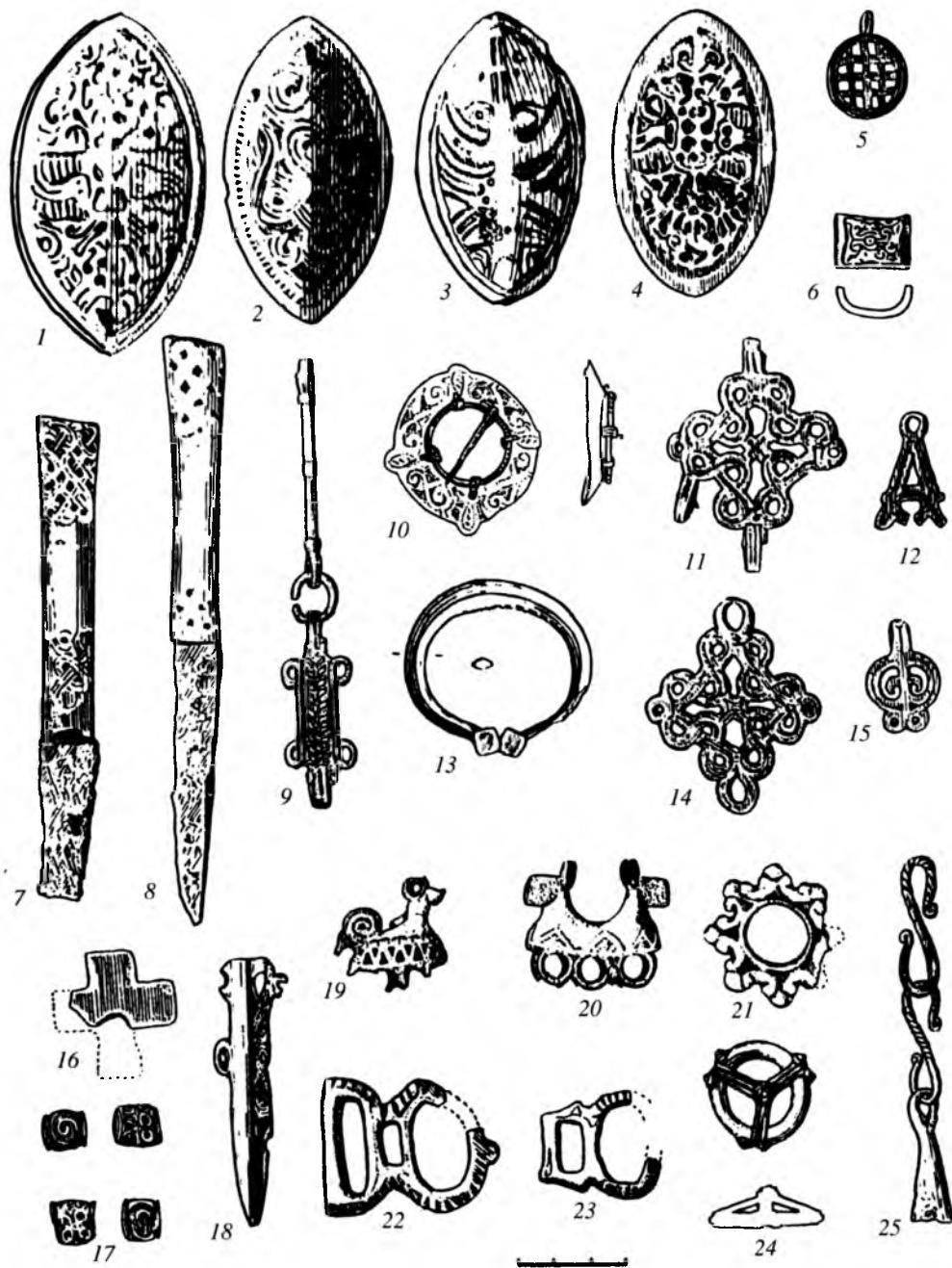
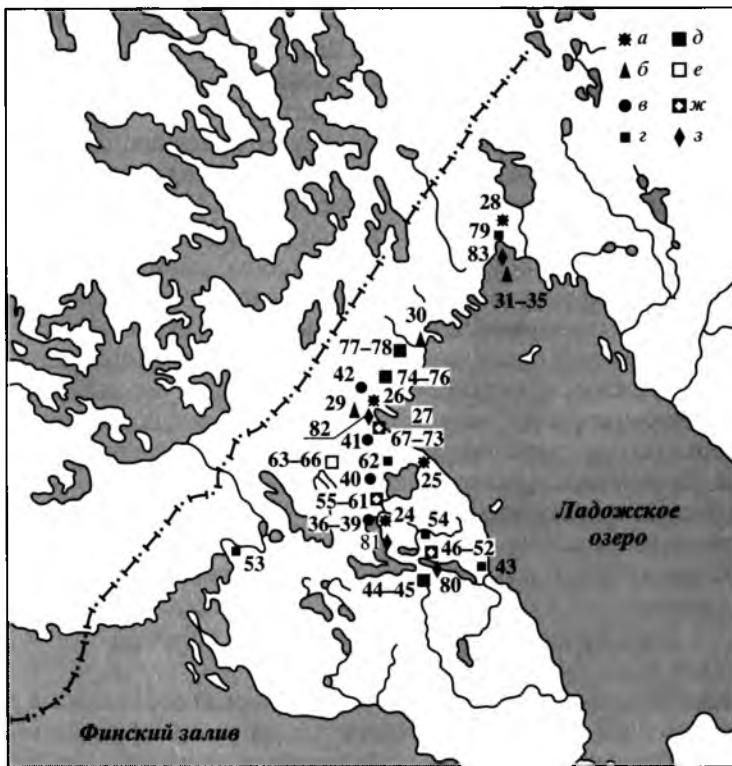

Рис. 39. Древнекарельские ювелирные изделия

1-4 – овально-выпуклые фибулы; 5, 12, 15 – подвески; 6 – перстень; 7, 8 – ножи с орнаментированными рукоятками; 9, 25 – звенья цепей; 10, 13, 21 – кольцевидная, подковообразная и звездообразная застежки; 11, 14 – цепедержатели; 16 – янтарный крестик; 17 – металлические бусины; 18 – игольник; 19, 20 – шумящие подвески; 22-24 – поясные пряжки

Карта 6. Ареал памятников карел XII–XV вв. (составлена С.И. Кочкуркиной)

а – поселения, б – городища-убежища, в – хозяйствственные сооружения; могилы и могильники: г – единичные, д – два-три, е – четыре-пять, ж – семь; з – клады; 24–83 – номера памятников: 24 – Тиверск, 25 – Корела, 26 – Лопотти, 27 – Хямеэнлахти, 28 – Паасо, 29 – Ранталиннамяки, 30 – Суур-Микки, 31 – Анттиланиеми, 32 – Хииретсаари, 33 – Линнасаари, 34 – Линнавуори, 35 – Лиеритсаари, 36–39 – Ховинсаари, 40 – Коверла, 41 – Хийтола, 42 – Кууппала, 43 – Коукуними, 44 – Хаапакюля, 45 – Лейникуля, 46–52 – Саккола, 53 – Кирккосаари, 54 – Салитсантар; 55–61 – Рянсяля, 62 – Суотниеми, 63–66 – Каукола, 67–73 – Хийтола, 74–76 – Куриёки, 77–78 – Яаккима, 79 – Риеккала, 80 – Сипилянмяки, 81 – Тиверск, 82 – Киппала, 83 – Рантуз

Металлические пластиначатые копоушки с петлей в верхней части и узкой лопаточкой внизу были обязательной принадлежностью древнекарельского костюма. Большинство изделий украшено гравированным орнаментом. Такие копоушки характерны для обширных территорий финно-угорского мира, но западнее Саво они крайне редки.

Шумящих подвесок найдено немного. Их носили на длинной цепочке, спускающейся от нагрудного украшения (справа или слева) до пояса. Древними карелами, судя по всему, они не производились, их завозили, видимо, из Новгорода.

Для украшения женской одежды широко применялись спиральки, скрученные из медной проволоки различного диаметра. Эта традиция характерна как для ранних, так и для поздних этапов развития древнекарельской культуры (Кочкуркина, 1986. С.72–73).

На территории корелы получили распространение ножи с орнаментированными рукоятями, в кожаных ножнах, которые украшались медно-бронзовыми пластинками. У женщин их прикрепляли к нагрудным цепочкам, свисавшим с

правой или левой стороны чуть ниже пояса. Их ареал – северо-западное Приладожье, единичные экземпляры найдены в Швеции, на Ижорском плато, в городах Копорье, Орешек и Новгород (Кочкуркина, 1982. С. 118–122), куда они попали в результате торгово-культурных контактов.

О существовании ткачества свидетельствуют прядища, спицы для кудели, остатки ткацких станов. О ткачестве у карел подтверждают и берестяные грамоты. Так, в берестяной грамоте 130 о сборе податей с населения названы домотканые шерстяные ткани – водмол и херь, т.е. серое, некрашеное сукно (подробнее см. гл. 6 “Одежда и обувь” раздела “Карелы” настоящего издания).

Гончарные изделия в I – начале II тысячелетия. изготавливались ручным способом, позднее – на гончарном круге. Примесью к глиняному тесту служили кварц и крупнозернистый песок, дресва и слюда, шамот, иногда охра, древесная зола и асбест. Горшки орнаментированы волнистыми и параллельными линиями, но встречаются узоры и в виде овальных, округлых, подковообразных вдавлений, ромбовидных и треугольных ямок, квадратов, расставленных в шахматном порядке. Древнекарельские горшки имели в основном формы, аналогичные древнерусским или похожие на них. Это, однако, не исключает керамического производства на месте, что подтверждается особенностью формы, орнаментации, составом глины и различным качеством посуды.

КАРЕЛЬСКИЕ ЗЕМЛИ В XII – XV вв.

Важнейшие события в истории карельского народа отразились в русских летописях начиная с XII в. Особое значение для их реконструкции и освещения имеет Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Первое упоминание о древних карелах в ней под 1143 г. гласит: “В то же лето ходиша Корела на Емь, и отбежаша 2 лоиву бити”. Речь идет о неудачном походе корелы на финское племя емь, в результате которого были потеряны два парусных судна (лойвы). С этого времени корела не сходит со страниц русских летописей. Они рассказывают о внешнеполитических акциях, связанных с корелой, столкновениях с постоянными врагами корелы, а также о внутренних событиях. Земли корелы с начала XIV в. отдавались в кормление приглашенным русским и литовским князьям, которые должны были организовать охрану северо-западных границ Новгородского государства. Другие известия информируют об участии корелы в княжеских междуусобицах на стороне Новгорода, их крещении и о карательном походе князя Дмитрия, о мятеже в 1314 г. и о сооружении боевой башни в г. Кореле, о голоде и т.д. Взаимоотношения Новгорода и корелы были сложными, в целом дружественными, но далеко не идеальными, меняющимися от внешнеполитической и внутренней ситуаций.

Формирование и развитие древнекарельского народа проходило под непосредственным влиянием Новгорода и в сложной общеполитической обстановке. Одной из важнейших проблем для Великого Новгорода в XII–XIII вв. было сохранение своих прав на некоторые территории современной Финляндии. Часть Центральной Финляндии, заселенную емью, и северо-западные Приботнические земли Новгород считал сферой своих интересов и упорно боролся за право на эти земли со Швецией. Зимой 1227 г. князь Ярослав Всеволодович двинул свои полки против еми, уже попавшей под влияние шведов, и, как сообщает, явно преувеличивая, Лаврентьевская летопись, “всю землю их плени”. В 1228 г. около 2000 воинов еми появилось на Ладожском озере. Посадник г. Ладоги Владислав вступил в бой и с помощью корелы и ижоры разгромил их.

Летописные рассказы XII–XIV вв., как и другие источники, пестрят известиями о столкновении корелы со своими постоянными врагами. Так, не упомянутое в русских летописях участие корелы в походе новгородцев на емь в 1256 г. отмечено в папской булле 1257 г., причем они названы как главные действующие в нем лица. Корела наряду с новгородцами, ладожанами и ижорой участвовала под руководством Александра Невского в освобождении от немецких рыцарей Копорья в 1240 г. (Kirkinen, 1963. S. 83; Шаскольский, 1978. С. 217–222).

В 1240 г. на Северо-Западе Руси обстановка чрезвычайно обострилась. Новгороду и Пскову пришлось вести борьбу с тремя опаснейшими врагами одновременно: шведами, Литвой и остзейскими немецкими рыцарями. Решающая битва на р. Неве была выиграна Александром Ярославичем, получившим вследствие этого прозвище Невского. Как правитель Александр Невский обладал неуживчивым характером, и в тот же победный год он уехал из Новгорода. На западные рубежи вновь вторглись войска немецкого Ордена и захватили Изборск. Навстречу врагам вышли псковичи, но были разбиты.

К территориим, прилежащим к Финскому заливу, шведы и немецкие рыцари проявляли особый интерес. При этом их походы поддерживались католической церковью. Так, в 1250-е годы папа Александр IV писал архиепископу Уппсалы о необходимости крестового похода на корелу. В 1255 г. архиепископ Риги получил от папы разрешение направить епископа к язычникам – води, ижоре, кореле, которые якобы только и ждут принятия новой веры.

Шведы после некоторого перерыва активизировали свою деятельность. В 1283 г. они прошли Невой в Ладожское озеро и напали на обонежских купцов (или купцов, ведущих торговлю с Обонежьем). На следующий год тем же путем шведы под руководством воеводы Трунда вознамерились взять дань с корелы. Новгородцы с посадником Семеном Михайловичем и с ладожанами заняли устье р. Невы, и 9 сентября 1284 г. враги были разбиты. В 1292 г. новгородцы совершили удачный набег на емь и вернулись “вси здрави”. В ответ шведы обрушились на корелу и ижору, которые, однако, успешно расправились с врагами. Но это были все-таки успехи местного значения, а в целом шведы методично теснили корелу с ее западных территорий. Свои походы им удалось завершить строительством в 1293 г. на Корельской земле крепости Выборг. Сообщение об этом в русской летописи лаконично: “пришедши свея, поставиша город на Корельской земле”. Зато шведская Рифмованная хроника Эрика не скучилась на похвалы своей победе. В следующую зиму новгородцы попытались разрушить крепость, но неудачно: у Новгорода, втянутого в княжескую расплюю, провоцируемую монголо-татарами, не было ни сил, ни согласованности в действиях. Шведы стремились взять под контроль и водный путь в Ладожское озеро, с этой целью в 1295 г. они укрепили крепость Корелу в устье р. Вуоксы. Позже она была захвачена и уничтожена новгородцами.

Сооружение Выборга создало для шведов базу для дальнейших нападений на земли корелы, и они этим умело воспользовались, подчинив себе земли 14 общин (из них 4 в Ижорской земле). Шведы взяли под контроль и путь по Неве. Под руководством Торгильса Кнутсона с помощью иноземных мастеров в устье р. Охты шведы построили с “несказанной твердостью” крепость с претенциозным названием Ландскруна – “Венец земли”. На Руси оценили всю опасность создавшегося положения. В новгородской грамоте от начала 1301 г. немецкому городу Любеку говорится, что “король шведский отнимет у вас и у нас путь по Неве”. Князь Андрей с сузdalскими и новгородскими полками двинулся к крепости. О грамотной военной тактике русских войск подробно рассказывает хроника Эрика. Русский же летописец с удовлетворением сообщает о победе

де и наказаний шведов “за высокоумье их”. Для усиления обороноспособности Карельского перешейка Новгород в 1310/11 г. укрепляет город Корелу, а выше по течению Вуоксы строит Тиверский городок.

Корела принимала активное участие и во внутренних делах Новгорода. Так, в 1149 г. она в составе новгородского войска вместе с жителями Пскова и Смоленска участвовала в походе против суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукого.

Жители подвластной Новгороду территории, в том числе северо-западного Приладожья, включились также в борьбу тверского князя Михаила Ярославича с московским князем Юрием Даниловичем за великое княжение, приняв сторону последнего.

Взаимоотношения корелы с Новгородом не раз менялись в зависимости от политической ситуации, как и степень зависимости древних карел от Господина Великого Новгорода. Новгородцы в подчиненных землях не держали своих войск, ограничиваясь сбором налогов-дани; опираясь на племенную знать, они сохраняли там старый племенной уклад. Карелы, очевидно, имели достаточную самостоятельность, пока их интересы не шли вразрез с государственными. Однако, когда они забывали о своем подчиненном положении, Новгород напоминал им об этом: он не раз предпринимал карательные экспедиции против карел.

Одна из них была связана с борьбой за княжение в Новгороде. После длительных перипетий на новгородский стол в 1276 г. вернулся сын Александра Невского Дмитрий. Сразу после воскняжения в 1277 г. он пошел с войском в Корельскую землю и “казни корелу, и взя землю их на щит”. Причин карательной экспедиции могло быть несколько. Возможно, карельская племенная знать претендовала на большую, чем определял Новгород, самостоятельность в сборе дани, торговле, контактах с западными соседями. Не исключено, что в самом Новгороде карелы приняли участие в борьбе за княжение в рядах противников Дмитрия, и он этого не простил. Его военный поход повлек за собой и некоторые административные меры. Племенная территория корелы, состоявшая из 10 постов, стала называться Корельской землей (впервые термин “Корельская земля” встречается в русских летописях под 1278 и 1293 гг.) с центром в городке Корела. Правителями там были поставлены служильный князь и воевода.

Первая половина XIV в. вновь отмечена войнами Швеции и Новгорода. В 1311 г. новгородцы совершили опустошительный набег на землю Хяме. В 1313 г. шведы подошли под Ладогу и сожгли город. В 1317 г. они вновь проникли к Ладожскому озеру, а в 1318 г. новгородцы совершили новый поход в Финляндию. Юрий Данилович осадил Выборг, а шведы в свою очередь – Корелу.

В 1323 г. на Ореховом острове, при выходе из Ладожского озера в Неву, Новгород строит крепость Орешек. В тот же год заключается Ореховецкий мирный договор со шведами. Он дошел до нас в трех текстах: на русском, латинском и шведском языках, хотя ни один из них не представляет оригинала. Русский текст начинается словами: “Се яз князь великии Юрги с посадником Алфоромеем и с тысяцким Аврамом с всем Новым городом докончали есм с братом своим с князем свеискым с Манушем Ориковицем... мир вечный и хрест целовали”.

Ореховецкий договор вызвал недовольство карел, так как установленная новая граница оставляла шведской стороне часть их земель. Ситуацию усугублял усиливающийся феодальный гнет. Известны карельские восстания 1314 и 1337 г.

Нестабильность ситуации в Корельской земле в определенной мере была связана с частой сменой новгородских наместников, в числе которых были и иностранцы. С 1333 г. Корельская земля находилась во владении литовского князя Наримонта, которого Новгород пригласил, борясь за свою независимость

от Москвы. Наримонт получил в наследственное владение Корельскую землю с городами Корелой, Ладогой, Орешком и половину г. Копорья. Но надежд Новгорода князь не оправдал. В критических ситуациях он оказывался в Литве и не откликался на зов новгородцев. Отсутствовал он и в 1348 г., когда в его корельские владения вторглись шведские войска под предводительством Магнуса. В 1383 г. принадлежавшие Наримонту земли были переданы его сыну Патрикию, но уже не в наследное владение, а лишь в “кормление”. Однако уже на следующий год жители Орешка и Корелы пожаловались на Патрикия Новгороду. Князь попытался в ответ поднять восстание своих сторонников. До усбицы дело не дошло, но литовскому князю взамен недовольных городов дали другие – Руссу и Ладогу.

На какое-то время карелы избавились от обязанности содержать князя, но в 1389 г. Корельская земля вновь отдается в кормление литовскому князю Лугвеню. В 1392 г. шведы вошли в Неву, не дойдя лишь 5 верст до Орешка, и захватили села по обе стороны реки. Под руководством князя Семена (христианское имя Лугвеня) враги были разгромлены. После этого Семен-Лугвень уехал в Литву. В 1407 г. он появляется на короткое время в Новгороде и, получив в кормление города и земли, бывшие за Наримонтом, в 1412 г. опять уезжает в Литву. Известно, что на кормлении какой-то период находился его сын Юрий, а в 1444 г. его сменил князь Иван Владимирович из Литовской земли. В 1459 г. вновь был пущен на кормление Юрий Семенович-Лугвеневич. В перерывах между литовскими княжениями в Корельской земле на кормлении находились русские: Константин Белозерский, смоленский князь Юрий Святославич, московский князь Константин Дмитриевич. Особо неспокойными были годы “кормления” Бориса Константиновича и Наримонта.

В заключение еще раз вернемся к значению подписанного в 1323 г. Ореховецкого мирного договора, сыгравшего особую роль в дальнейших судьбах карельского народа. Его подписание должно было, с одной стороны, обеспечить долговременный мир, с другой – содействовать восстановлению торговли, в чем были заинтересованы обе стороны.

Для установления определенного равновесия военных сил Швеция и Новгород отказывались от строительства новых крепостей. Шведам, а также всем жителям Выборга, который оставался на шведской стороне, запрещалось покупать земли у новгородских карел. Все возникающие конфликты предполагалось впредь решать мирным путем. В мирных переговорах участвовали и купцы, вследствие чего в текст договора было включено соглашение о том, что всем купцам из немецкой земли – Любека и Готского берега, а также и шведским будет открыт свободный путь через Неву в Новгород и выборгские шведы не имеют права этому мешать. Такой же свободой должны были пользоваться в свою очередь и новгородские торговые гости.

Особо следует сказать о намеченнной договором границе между новгородскими и шведскими владениями. Она начиналась на юге от устья р. Сестры и шла на север, через Карельский перешеек, далее на северо-запад, по направлению к крепости Олавилинна (совр. г. Савонлинна), стоявшей в центре системы Сайменских озер. Оттуда граница шла к северо-восточному побережью Ботнического залива – к “Каяно морю”. Относительно того, где она заканчивалась, есть разные мнения. Большинство исследователей считает, что она просто подходила к побережью залива южнее устья р. Пюхяйоки (*Kirkinen, 1970. S. 16–26*). В последнее время историками Я. Галленом и Дж. Линдом выдвинуто предположение, что на севере граница была довольно условной и имела две линии: одна подходила к Ботническому заливу, другая – к Кандалакшскому заливу Белого

моря. Этому, по их мнению, соответствует определение в тексте договора – *pog i haffuit* (швед. “на севере, в море”) (*Gallén*, 1968; *Gallén, Lind*, 1991. К. 1). Таким образом, Новгород сохранял за собой старые права на земли Финляндии, лежащие на северо-восток от установленной границы, в первую очередь на пользование там охотничими и рыболовецкими угодьями. Лапландская же территория, лежащая, соответственно гипотезе Галлена и Линда, между двумя линиями границы, была общей сферой интересов Новгорода и Швеции (точнее Норвегии, находившейся в это время в личной унии со Швецией). Это соответствует реальной ситуации и подтверждается некоторыми археологическими находками (*Uino*, 1997. С. 201).

Традиционные права карел в северных частях Финляндии сохранялись после заключения Ореховецкого договора еще почти три столетия – до 1595 г. Это были пути проникновения карельской культуры в северные районы, что хорошо прослеживается по этнографическим материалам (*Vilkuna K.*, 1960; *Talve*, 1972 а, б).

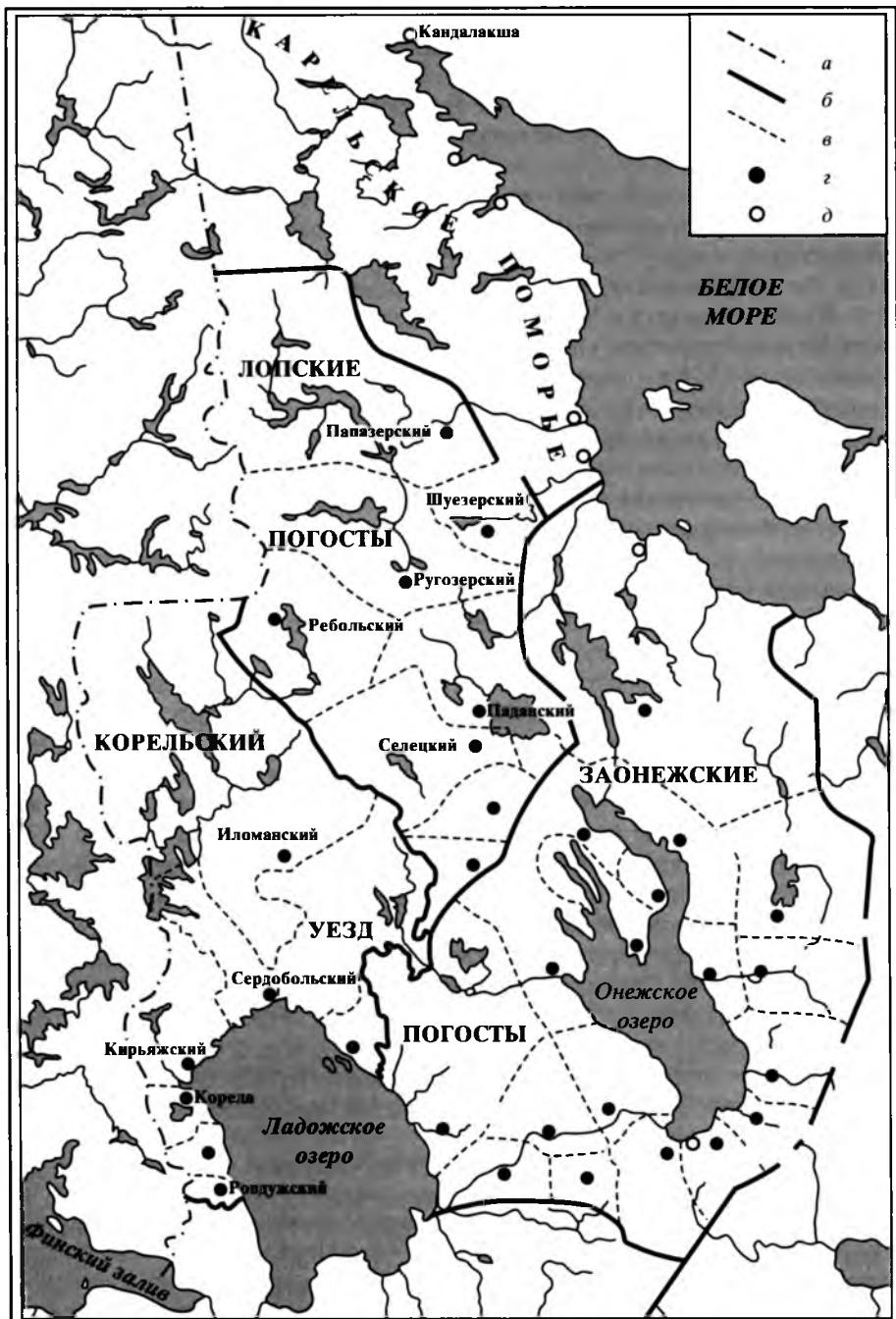
Основная часть корелы, населявшая северо-западное Приладожье, осталась под властью Новгорода, сохраняя с ним тесные экономические, политические и культурные контакты. Оказавшаяся на шведской стороне корела вместе с семью образовала восточную группу финского населения (савосцы), которая позже приняла участие в формировании финской нации. Из захваченных шведами древнекарельских погостов возник Выборгский замковый лен (губерния).

Первые три года после заключения мира можно считать спокойными. В 1326 г. Магнус, король Швеции и Норвегии, подписал с Новгородом соглашение относительно северного рубежа норвежско-новгородских территорий. Если граница нарушалась одной из сторон, земли возвращались владеющему ими государству. Норвегия и Новгород сохраняли за собой право сбора дани у саамов. Однако вскоре в Новгород стали поступать сигналы о неблагополучном положении на русско-шведской границе. Об этом сообщают берестяные грамоты с жалобами на притеснения со стороны савосцев и отмеченные в источниках факты поездок новгородских дипломатов для урегулирования конфликтов. Угроза шведской агрессии по-прежнему оставалась реальной.

ИСТОРИЯ И РАССЕЛЕНИЕ КАРЕЛ В XVI–XIX вв.

К XVI в. формируется основной ареал карел, сохранившийся вплоть до настоящего времени. По данным писцовых книг Водской и Обонежской пятин и другим источникам, предположительная численность карел ко второй половине XVI в. составляла около 55–63 тыс., из которых более половины жили в пределах Корельского уезда (32–37 тыс.). Остальные были расселены на Олонецком перешейке (14–15 тыс.), на севере, в Лопских погостах (6–7 тыс.) и в Карельском Поморье (2–3 тыс.) (*Карелы...*, 1983. С. 33).

Вхождение Карелии в состав России (1478 г.) благотворно повлияло на хозяйственное развитие края, в значительной мере благодаря тому, что первая половина XVI в. была для этих мест временем относительного военного затишья. При переходе под власть Москвы на карельских землях была проведена частичная конфискация земель светских и духовных феодалов в пользу государства, и таким образом возникла прослойка черносошного крестьянства. Оно было посажено в основном на денежный оброк, что обеспечивало ему определенную экономическую самостоятельность. Наряду с этим в Карелии интенсивно стали развиваться неземледельческие промыслы (выварка соли, производство железа

Карта 7. Административное деление Карелии в XVI–XVII вв. (по кн.: Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 3)

а – русско-шведская граница по Тявзинскому миру 1595 г., б – границы административных областей, в – границы погостов, г – центры погостов, д – прочие населенные пункты

из болотной и озерной руды, добыча слюды и жемчуга), различные виды ремесел (кузнецкое, кожевенное, сапожное, скорняжное, портняжное и т.д.), расширялись торговые связи, возникли многие местные рынки и торжки (Очерки..., 1957. С. 81–95; Сербина, 1951). Все эти факторы, укрепляя экономические основы региона в целом, играли немаловажную роль в процессах консолидации карельского этноса.

В целях укрепления позиций центральной власти, ликвидации феодальной раздробленности, упорядочивания налоговых сборов и укрепления западных рубежей Московская центральная власть провела ряд административных реформ. В 1500 г. был образован из Приладожской части Корелы Корельский уезд, в 1580 г. – Кольский уезд, а в 1592 г. – административный округ Соловецкого монастыря. Непосредственное управление Корельским уездом было возложено на наместников, а с 1563 г. – на воевод.

Территории расселения карел были различны как по плотности населения, так и по основным хозяйственным занятиям. Южная часть Корельского уезда*, (“Передняя Корела”) отличалась значительной (по сравнению с другими уездами) плотностью населения, и это был в целом земледельческий край. Здесь находился и основной административный центр – город Корела – с резиденцией наместника.

В северной части уезда (“Задняя Корела”)** еще шло активное освоение новых земель и развитие поселенческой сети. Здесь еще сохранились и старые формы сельской общины – деревни.

Лопские погосты***, расположенные на север от Корельского уезда, занимали территорию от финской границы на западе до Заонежских погостов и Карельского Поморья на востоке. Крестьяне здесь также принадлежали к разряду черносошных и занимались в основном земледелием, преимущественно подсечным, так как шло освоение новых земель из-под леса. Дополнительный доход давали лесные промыслы и охота. Карельское Поморье частью вошло в Соловецкий административный округ (Шуезерская и Кемская волости и Беломорское побережье Выгозерского погоста), а Керетский погост и так называемая Беломорская Карелия стали частью Кольского уезда.

За исключением морского побережья северной части Карельского Поморья и ряда волостей от Сороки до Колежмы, входивших в состав Выгозерского погоста, большинство населения Лопских погостов составляли карелы, незначительную его часть – саамы.

Население северных частей Карелии занималось рыболовством и промыслом морского зверя. Земледелие здесь вследствие суровых климатических условий развивалось медленно.

К востоку от Корельского уезда и Лопских погостов располагались земли Заонежских погостов. Северная и западная части этих погостов были заселены карелами, южная и восточная – русскими и вепсами. На Олонецком перешейке жили преимущественно карелы и вепсы.

С XVII в. местное самоуправление стало низовым звеном системы управления и подчинялось властям Москвы, Новгорода и Соловков (“по принадлежности”) (Очерки..., 1957. С. 80–81). Укреплению центральной власти содействовало проведение “тубной” реформы (по “разбойным делам”) и несколько позже –

* В эту часть уезда входили старые погосты: Городенский, Сакульский и Ровдужский.

** Погосты: Кирьяжский, Сердобольский, Соломенский и Иломанский.

*** Погосты: Пречистенско-Семчезерский, Спасско-Селецкий, Никольско-Паданский, Спасо-Ругозерский, Ильинско-Шуезерский.

земской, по которой вместо института наместников вводилось земское самоуправление с выборными старостами, судьями и “целовальниками” для сбора по-датей. Последующие административные, хозяйственные и иные реформы были направлены на упрочнение связей между карельской окраиной и центром. К их числу относились реформы XVII в. подворного обложения и затем – введение подушной подати. В петровскую эпоху Олонецкий край был преобразован в военно- заводской округ, а в 1784 г. – в Олонецкую губернию.

Укреплению позиций центральной власти в Карелии способствовала также политика в области религии. Для борьбы с язычеством карел меры принимали еще в новгородское время архиепископы Макарий и Феодосий, но это вело нередко лишь к тому, что карелы бросали свои дома и наделы и уходили в дальние погости, в необжитые места (Степанов, 1986. С. 40–43; Чернякова, 1998 б. С. 28; и др.). Со временем довольно широкое распространение получила практика основания на территории Карелии церквей и монастырей. В XIV в. возник Валаамский монастырь, известность получили такие монастыри, как Муромский, Коневецкий, Соловецкий, позднее Александрово-Свирский, Челмогорский и др. В XVI в. на территории Карелии насчитывалось уже около 240 православных церквей и часовен, примерно 60 монастырей и скитов (Киркинен, Невалайнен, Сихво, 1998. С. 67). Распространению православной религии способствовала и русская крестьянская колонизация Севера. Церковники нередко пользовались продвижением русского крестьянства, создавая новые единые приходы из жителей различной этнической принадлежности.

В последующие века распространение очагов православия приобретало еще более массовый характер: если в 1847 г. в Олонецкой епархии было 359 церквей и 1271 часовня, то к 1904 г. их численность возросла соответственно до 545 и 2127 (Степанов, 1986. С. 51). К концу XIX в. абсолютное большинство населения Олонецкой губернии (98,2%) исповедовали православие (Олонецкий сборник. Вып. 3, 1894. С. 425).

Возвращаясь к проблемам взаимоотношений Москвы со Швецией и их воздействию на судьбы карел, отметим, что на северо-западных рубежах Московского княжества шла постоянная борьба за выход России в Балтийское море и за владение торговыми путями. Разного рода вооруженные столкновения, от мелких пограничных конфликтов до многолетних войн, разоряли карельскую землю практически до начала XIX в., до заключения в 1809 г. Фридрихсгамского мира и вхождения Финляндии в состав Российской империи.

Не останавливаясь на всех военных событиях XVI в., отметим лишь, что население западных частей Карелии жило в хронически нестабильной обстановке, страдало от военных набегов и сражений на этой территории. При этом работоспособная часть населения гибла в боях, люди вымирали от моровых поветрий и голода. Наряду с этим неоднократное изменение западной границы препятствовало нормальному развитию карельского этноса и сохранению его исконного ареала. Граница, установленная между новгородскими и шведскими землями в 1323 г., просуществовала до 1595 г. По Тявзинскому миру 1595 г., подписанному в тяжелые годы правления царя Федора Иоанновича, Россия, правда, сохранила за собой земли южного побережья Финского залива, но была вынуждена отдать Швеции эстонские земли и Нарву. Кроме того, граница, шедшая по Ореховецкому миру 1323 г. от Карельского перешейка на северо-запад к Ботническому заливу, по новому договору от западной границы Корельского уезда шла прямо на север к Варангер-фьорду. Таким образом, приботнийские земли были навсегда утрачены для карел, веками владевших там рыболовными (семужными) и охотничими угодьями.

Заключение мирного договора 1595 г. также не принесло мира на карельские земли. Смутное время в России давало возможность ее внешним врагам воспользоваться нестабильностью ситуации: с одной стороны, началась открытая польская интервенция, с другой – к активным действиям перешли шведы. Последние не только вторглись в юго-западную часть Карелии, но к середине 1612 г. шведам удалось захватить и большую часть Новгородских земель. В 1617 г. между Россией и Швецией был подписан в Столбове мирный договор. В период мирных переговоров позиция Москвы несколько усилилась, благодаря избранию к этому времени на царство Михаила Романова, но тем не менее потери ее были очень велики. Швеция, правда, должна была отказаться от Новгорода, но вся Ижорская земля (Вотская пятина по административному делению того времени), т.е. побережье Финского залива, а также Корельский уезд с г. Корелой, отошли под власть шведской короны.

Тот факт, что “родовое гнездо” карел на добрые 100 лет попало под власть Швеции, трагически отозвался на дальнейших судьбах карел, нарушив нормальный ход их этнического развития.

Противодействие шведским властям и их политике на завоеванных землях выразилось в миграции за рубежи аннексированной территории, как в северные части Карелии, так и на русские земли. По подсчетам историков, уже в первую половину XVII в. из Карелии и Ижорской земли (получившей в тексте договора шведскую форму названия – Ингерманландия) ушло на русскую территорию не менее 25 тыс. карел. По данным шведских источников, только из Корельского уезда в 1627–1635 гг. ушли 1524 семьи, или около 10 тыс. человек, а к 1636 г. численность переселившихся достигла 2 тыс. семей.

В еще более массовой форме начался исход населения с отошедших Швеции земель во второй половине XVII в. Этому предшествовали волнения на всей территории от Нарвы до земель Корельского уезда. Причиной их были отчасти непосильные повинности, возлагаемые на крестьян как государственной властью, так и новыми иноземными помещиками, которым было роздано немало земель на захваченной территории. Недовольство в значительной мере объясняется и попытками обращения местного населения в лютеранство. Нельзя забывать, что шведские короли той эпохи, в частности Густав II Адольф, и еще более Карл XI были ярыми adeptами новой лютеранской религии и что лютеранская церковь тех лет была воинствующей церковью. Поэтому внедрение новой религии шло насильственными методами с применением к православному населению края различных экономических и социальных санкций. Несмотря на, казалось бы, слабую приверженность карел к православной вере, к предлагаемой им “новой вере” они отнеслись весьма негативно. Вооруженные восстания, поддержаные перешедшими границу русскими войсками, превратились в 1656 г. в настоящую войну, которую финляндские историки не без основания рассматривают как религиозную. В 1658 г. она закончилась победой шведской стороны, и часть православного крестьянского населения ушла в Россию вместе с войсками. Отток местного населения продолжался и в последующие годы. Часть карел двинулась в северном направлении и обосновалась в средней и северной Карелии. Особенно увеличилась численность карел в округе Ребол и Вокнаволока (Чернякова, 1998 а. С. 28–33).

Часть мигрировавшего карельского населения осела в Заонежских погостах, но значительный поток беженцев двинулся далее на юг, в сторону Тихвина, Валдая и Бежецкого Верха – по оценочным подсчетам 25–40 тыс. человек. Одни из них обосновались на землях монастырей – Тихвинского, Александро-Свирского, Иверского и в монастырских владениях Белозерского края, Двин-

ского и Каргопольского уездов. Часть крестьян поселилась на дворцовых землях – еще в 1656 г. был издан царский указ об отдаче “зарубежным выходцам корелянам в селитьбу или на денежный оброк” пустошей из дворцовых земель.

Наиболее многочисленные группы карел осели в шести уездах Тверской губернии – Новоторжском, Вышневолоцком, Весьегонском, Бежецком, Тверском и Зубцовском.

Следует отметить еще одну сторону воздействия Столбовского договора на жизнь карельских земель. Прежде всего, изменился статус Олонецкого уезда – он превратился в пограничный район, форпост России. В Олонце была построена крепость и размещен военный гарнизон. В крае продолжали развиваться железоделательные и медеплавильные промыслы, их продукция вывозилась на российские рынки. Шло определенное стягивание карельского населения в эти районы, что наряду с миграцией из Корельского уезда вело к изменению диалектных границ и нивелировке языковых различий между этнолокальными группами карел. Увеличилось и русское языковое влияние, которое шло в первую очередь через территориально ближайшую к русским районам группу карел – людиков (Беляков, 1958).

Северная война (1700–1721 гг.) закончилась, как известно, решительной победой России и возвращением земель Корельского уезда и Ижорской земли под ее власть. В петровскую эпоху в Карелии оживилось промышленное развитие. На смену крестьянским железоделательным промыслам приходят металлургические заводы. Началось строительство Олонецких Петровских заводов, в том числе возник Петровский завод (1703 г.) со слободой, будущим Петрозаводском, было положено начало литейному производству в Кончезере, плавильному – в Повенце. Возникает крестьянская мануфактура с использованием наемного труда. Во второй половине XVIII в. в районе Олонца и Видлиц появились первые лесопильные заводы, работающие на энергии водяных мельниц. В 1780-е годы здесь действовало 18 лесопилен, в конце столетия – уже 52; их продукция отправлялась на экспорт и в Петербург. Широкую известность получили тивдийские мраморные разработки (рускеальский мрамор), велась добыча слюды, точильного камня и оgneупоров для чугунолитейного производства. Карелия постепенно втягивалась в общероссийский рынок.

В начале XVIII в., согласно реформам Петра I, были созданы Архангельская губерния, куда вошла Беломорская Карелия в составе Кемского уезда, и Олонецкая губерния, разделенная в 1760-е годы на 4 уезда – Олонецкий, Петрозаводский, Повенецкий и Пудожский. Центр губернии из Олонца был переведен в Петровскую слободу (Петрозаводск). На территории 5 названных выше уездов проживало около 85 тыс. человек.

Несмотря на то что Россия обрела в ходе XVIII в. значительную военную мощь, Швеция отнюдь не отказалась от стремления расширить свои восточные владения за счет российских земель. Наряду с этим и Россия не считала свои рубежи на северо-западе окончательно установленными и неизменными. Военные столкновения, иногда имевшие лишь местное значение, а иногда переходившие в войны, были характерны и для послепетровского периода. При этом в своей дипломатии Россия исходила из того, что поддерживала у финнов мысль об их возможной самостоятельности. Военный поход в период правления Елизаветы Петровны привел к тому, что в 1743 г. в Або (Турку) был подписан договор, согласно которому основная часть финляндской Карелии была уступлена России (она получила позже наименование “Старой Финляндии”).

Попытки Швеции доказать свое прежнее могущество не увенчались успехом и в дальнейшем. Война, начавшаяся в 1789 г., оказалась по сути безрезуль-татной. В годы наполеоновских войн Швеции не удалось оставаться нейтральной, и в 1805 г. она вступила в союз с Англией и Россией. По мнению многих историков, судьба Финляндии была предопределена уже при подписании французско-русского перемирия в Тильзите в 1807 г. Вскоре русские войска перешли границу Финляндии, и Россия – согласно манифесту царя – “взяла Финляндию времен-но под свою власть”. Последующие царские манифесты декларировали вхожде-ние Финляндии в состав Российской империи, и это было узаконено на Порво-ском (Боргоском) ландтаге в 1809 г. В том же году Швеция подтвердила свой от-каз от прав на Финляндию. Не останавливаясь на условиях вхождения Финлян-дии в состав России как автономии и ее новых правах, необходимо упомянуть один неожиданный шаг Александра I: он передал в состав Финляндского княже-ства те земли, которые были возвращены России при Петре I на Карельском пе-решейке и в Приладожье, а также так называемую Старую Финляндию – тер-риторию, полученную Россией по Туркскому договору. Таким образом, грани-ца великого княжества Финляндии оказалась столь близко к российской столи-це, что это вызвало недовольство в придворных кругах. Тем не менее она не бы-ла изменена. Вхождение этих земель в состав Финляндии определило дальней-шие судьбы живших на этой территории карел: они постепенно растворялись среди финского населения. Это было результатом не только их естественной ас-симилиации, карелы испытывали определенное давление со стороны финлянд-ских властей, которые предоставляли здесь различные преимущественные пра-ва (например, в торговой деятельности) финнам. Проводилась и политика обращения православного карельского населения в лютеранство, о чем свидетельст-вуют многочисленные реляции православных священников из этих мест в вер-ха. Содействовало ассилиации, разумеется, и начавшееся в конце XIX в. разви-тие школьного образования, которое шло на финском (или шведском) языке. После того как Финляндия, получив после революции самостоятельность, ока-зилась за пределами уже не административной, а государственной границы, про-цесс окультурации карел ускорился. Несмотря на то что юго-восточная губер-ния Финляндии называлась Карьяла, т.е. Карелия, ее население было уже фин-ским по гражданству, что в свою очередь влияло на самосознание. Правда, часть карел в Финляндии сохранила православие и определенные черты восточной карельской культуры (в строительстве, одежде, традиционной кухне и т.д.) (Heikinen K., 1989; Sallinen-Gimpl, 1994; 1987; 1994). Сказались на судьбах этого населения и внутримиграционные процессы: к концу 1930-х годов лишь незна-чительная часть карьяласцев – жителей финляндской Карьяла – была местны-ми уроженцами. В послевоенный период, когда большая часть Приладожской Карелии и Карельского перешейка отошла СССР, местное население было эва-куировано во внутренние части страны, что привело к дальнейшему стиранию локальных особенностей его культуры.

Следует, пожалуй, упомянуть и о попытках Финляндии в начале XX в. про-вести некую “миссионерскую” работу в Карельском Поморье. Как известно, умозрительная перспектива объединения всех российских финноязычных наро-дов и племен возникла в Финляндии еще в середине XIX в. и в период финского национального возрождения имела широкое хождение. Эти же идеи лежали, в сущности, и в основе той “культурной экспансии”, которая была предпринята в 1906–1909 гг. в Беломорской Карелии. В 1906 г. в Ваасе (Финляндия) был орга-низован “Союз беломорских карел” (“Vienan Karjalan liitto”), в который входило около 600 человек. Основная задача Союза состояла в том, чтобы содейство-

вать сближению этих карельских волостей с Финляндией. Союз начал свою деятельность в Карелии, организовав в Беломорской Карелии в 1907 г. 22 читальни, несколько библиотек и 6 передвижных школ; попытался также выпускать газеты (“Karjalaisten pakinoita” и “Karjalan kävijä”). Российские власти с самого начала отнеслись к деятельности Союза настороженно, усмотрев в ней попытки финнизации и лютеранизации карел. Православная церковь также ощутила угрозу для себя и стала организовывать в Карелии свои школы и даже выпускать газету “Карельские известия”. Власти очень быстро потребовали закрытия всех финляндских библиотек и школ, и к 1909 г. деятельность Союза была сведена на нет (*Kovasipi*, 1985).

Изменения общей политической и социально-экономической ситуации в Российской империи в XIX в. повлияли и на экономическую ситуацию в Карелии. Развитие крупной металлургической промышленности, в первую очередь на Урале, привело к упадку мелкого железоделательного производства в Карелии, а крупные заводы не играли определяющей роли в экономике края. Не развивалась должным образом и лесная промышленность. Государство, в руках которого находилась значительная часть карельских лесов, не оказывало необходимой поддержки. Сельское хозяйство края, как и в пореформенный период, развивалось медленно, сохраняя полунатуральный характер (Филиппов, 1961). Бюджет семьи карельского крестьянина частично пополнялся внеземледельческими доходами. В начале XX в. 95% крестьянских хозяйств Карелии занимались различными видами промысловой деятельности, но подавляющее большинство кустарей и ремесленников (93%) не порывали связей с сельскохозяйственными занятиями.

Замедленное проникновение капиталистических отношений в карельскую среду в значительной степени способствовало сохранению в быту многих архаических черт и явлений. К началу XX столетия карельский этнос представлял собой общность со значительными локальными этнокультурными различиями, что было свидетельством незавершенности этнической консолидации карел.

КАРЕЛИЯ В XX в.

Двадцатое столетие стало эпохой коренных изменений в политической, экономической и этнокультурной жизни карельского народа.

Установление советской власти в Карелии шло непросто, в условиях гражданской войны и иностранной интервенции определенные военно-политические круги Финляндии вынашивали идею создания “Великой Финляндии”, в состав которой вошла бы если не вся Карелия, то ее Беломорская часть. Весной 1919 г. Финляндия развернула военные действия на территории Олонецкого уезда. В то же время войска Антанты, высадившиеся в Мурманске, овладели побережьем Белого моря. В этот период в самой Карелии шла также борьба сторонников и противников советской власти. Наряду с определенным распространением финляндской идеи объединения финноязычных народов – финнов, карел, вепсов – в Карелии рождались и идеи “чистого” этнического самоопределения (“Карелия для карел”), местного сепаратизма (независимость отдельных регионов Карелии) и выхода из состава России. Так, в марте 1918 г. в Ухте было принято постановление о независимости Карелии; в августе 1918 г. собрание жителей с. Реболы поставило вопрос о присоединении этой волости к Финляндии, а жители соседней Поросозерской волости провели при участии представителей Финляндии собрание представителей своих деревень и объявили о ликвидации в волости советской власти.

Весной 1919 г. в Олонце, на территории, захваченной финнами, из заранее подобранных в Финляндии представителей формируется “Временное Олонецкое правительство”, а в Видлице – “Олонецкая дирекция” из местных купцов и кулаков. В феврале 1919 г. собрание представителей 10 волостей Беломорской Карелии принимает решение о самоопределении Восточной Карелии. Затем “Архангельское карельское временное правительство” в с. Ухта, которое было сформировано в марте 1920 г., созывает съезд представителей северных карельских волостей. Это временное правительство приняло постановление о возможности присоединения северной Карелии к Финляндии, поскольку “Карелия сама должна править своими делами”. Делегация Ухтинского съезда вручила советским представителям, ведущим переговоры с Финляндией о перемирии, решение о независимости северных областей Карелии. Архангельское правительство действовало на территории северной Карелии вплоть до прихода туда частей Красной Армии весной 1920 г. (Карело-Мурманский край, 1927. № 10–11. С. 7–13; Советы Карелии, 1993. С. 72).

В этой непростой военно-политической обстановке, насыщенной поисками путей национального самоопределения и националистическими настроениями, Э. Гюллинг, участник революции 1918 г. в Финляндии, приехавший в Карелию после ее подавления, обратился с письмом к В.И. Ленину с предложением создать Карельскую Трудовую Коммуну как буферное государство на границе с Финляндией. Этот вопрос был обсужден при участии В.И. Ленина с делегатами от Олонецкой губернской партийной организации во время работы IX съезда партии (29.III–5.IV. 1920 г.), а затем на заседании Политбюро 18 мая 1920 г. Организация Карельской коммуны была признана желательной (Всекарельский съезд..., 1990. С. 252–253). В итоге был принят декрет о создании Карельской Трудовой Коммуны “в целях борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии” при сохранении ее в составе России. Был сформирован революционный комитет Коммуны во главе с Э. Гюллингом*. В июле 1920 г. состоялся Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Съезд одобрил образование Коммуны и выступил за сохранение Карелии в составе России.

Решения съезда принимались в период, когда между Советской Россией и Финляндией велись мирные переговоры (июнь–октябрь 1920 г.). Военно-политическая обстановка этого времени оказала значительное влияние на содержание тех статей Тартуского мирного договора, которые затрагивали проблемы Карелии (октябрь 1920 г.). В этих статьях значилось, что Восточно-Карельская область, т.е. Коммуна, получает автономию в своих внутренних делах, входя в состав России на правах федерации (статьи 10, 35). Местным жителям гарантировалось право собственности “на все принадлежащее им в пределах волости движимое имущество, а также право распоряжаться и пользоваться принадлежащими им или возделываемыми ими угодьями и прочим находящимся в их пользовании недвижимым имуществом”. Советская делегация внесла в Протокол переговоров также положение о том, что “...дела, касающиеся этой области, решаются органом народного представительства”, а пятый пункт этого документа гласил: “Восточно-Карельская область имеет право устанавливать свою экономическую жизнь согласно местным нуждам в соответствии с общим хозяйственным планом республики” (Всекарельский съезд..., 1990. С. 254–256).

* В состав Коммуны вошли 6 волостей Олонецкого, 10 – Петрозаводского, 5 – Повенецкого и 20 – Кемского уездов.

Программа развития Коммуны была обсуждена на I Всекарельском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (11–18 февраля 1921 г.). В резолюции съезда отмечалось, что задачей Коммуны, в частности, является “поднятие населения Карелии, как карельского, так и русского, к единодушной и усердной работе для укрепления Советской власти”.

II Всекарельский съезд Советов (октябрь 1921 г.) проходил в условиях белофинской интервенции, подогревающей сепаратистские устремления карел, а также антисоветского крестьянского восстания, известного как “карельский мятеж”. Однако попытки Финляндии путем продовольственной блокады и вооруженными действиями вызвать общее недовольство населения советской властью оказались безуспешными. Карелия получила от правительства России значительную материальную финансовую помощь, право на использование доходов с территории для собственных нужд и др. Военное вторжение Финляндии II съезд расценил, как вмешательство во внутренние дела Коммуны, которая “стремится к тесному союзу в федеративных формах с Советской Россией”. В июле 1923 г. ВЦИК и СНК СССР приняли постановление об образовании Автономной Карельской Советской Социалистической республики. Республика получила широкие права в государственном, хозяйственном и культурном строительстве.

Введение новой экономической политики (НЭП) позволило укрепить экономический суверенитет Карелии. Легализация многоукладной экономики и свободного товарооборота оживила материальную заинтересованность товаропроизводителей. Повсеместно и в основном по инициативе снизу стали возникать различные формы кооперации и внедрялся хозрасчет.

К середине 1920-х годов наметился подъем сельского хозяйства. Это определялось развитием агротехники, рядом землеустроительных мер и мелиоративных работ, а также обеспечением деревни техникой и организацией сети агрономических, ветеринарных, мелиоративных служб и т.д. Стали увеличиваться и объемы заготовки леса. К концу 1925 г. возобновили работу 14 лесозаводов.

Наряду с этим началось промышленное освоение зоны вдоль Мурманской железной дороги, были сделаны первые шаги в создании собственной энергетической базы и разработке минеральных ресурсов. Начался приток населения из-за пределов республики, ускорилась и миграция карел в города. Тем не менее карелы в основной массе оставались сельским населением.

Общегосударственная национальная политика и курс на преодоление фактического неравенства народов Союза обеспечивали в 1920–1930-е годы и в Карелии широкое представительство карел в различных структурах власти и правления. Примерно половина состава Карелревкома, уездных, волостных и районных исполнительных комитетов формировалась в этот период из карел и финнов (Советы Карелии, 1993. С. 502–513). Активно велась ликвидация неграмотности, и с 1926 г. по 1939 г. доля грамотных среди карел возросла с 34,9% примерно до 80%. Успешно шло развитие среднего специального и высшего образования, что содействовало формированию карельской интеллигенции, в первую очередь учителей, культурно-просветительских работников, в известной мере и инженерно-технических кадров. Быстро увеличивалась прослойка карел и в составе рабочих (Покровская, 1978. С. 88–95; Афанасьева, 1983. С. 207–212; Карелы..., 1983. С. 190–196).

Переход в Советском Союзе на плановое ведение хозяйства (пятилетние планы) резко ограничивал экономическую самостоятельность республик, тем более автономных. Форсированная коллективизация стала поворотным момен-

том в развитии сельского хозяйства. Она означала отчуждение крестьянина от средств производства и результатов труда, а для карельской деревни также и начало ликвидации традиционной комплексной системы хозяйственных занятий. Предложения о развитии фермерско-хуторских хозяйств как форм, наиболее приемлемых для природно-климатических условий Карелии, были расценены партийным руководством как правый уклон.

К концу 1931 г. в республике было создано 673 колхоза, в том числе 54 рыболовецких, объединяющих 24,3 тыс. (58,1%) всех хозяйств республики. Средний показатель коллективизации варьировал от 39,3% в Сегозерском районе до 80,9% в Кандалакшском районе (Никитина, 1997. С. 68, 77).

Ведение хозяйства в колхозах стало жестко регламентироваться сверху. Кроме выполнения твердых заданий по производству сельскохозяйственной продукции, в Карелии колхозники в обязательном порядке должны были участвовать в заготовках и сплаве леса. К 1932 г. продолжительность работы колхозников на лесозаготовках в течение года была увеличена вдвое и доведена до 100–120 дней (Никитина, 1997. С. 82–83).

Попытки местных органов власти отстаивать перед республиканскими структурами управления интересы своих территорий встречали противодействие партийных органов, а республиканская власть в свою очередь была значительно ограничена в принятии самостоятельных решений. С начала 1930-х годов в республике, несмотря на протест правительства Карелии, создается сеть спецпоселков, куда направлялись осужденные, в первую очередь раскулаченные крестьяне. В 1930-е годы в связи со строительством Беломорско-Балтийского канала в Карелии возникает настоящее “государство в государстве” – система ГУЛАГов с десятками тысяч заключенных. Их трудом были возведены Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат, Пиндушская и Повенецкая судоверфи, Сорокский порт, Сорокская-Обозерская железнодорожная ветка. В 1937 г. в Карелии 35% древесины заготавливалось заключенными, в начале 1940-х годов – более половины. Репрессии 1930-х годов со всей силой ударили и по карельскому народу: в Карелии среди репрессированных с июля 1937 г. по апрель 1938 г. 43% составляли карелы (Неизвестная Карелия, 1997. С. 342).

Необходимо упомянуть о тех преобразованиях, которые были проведены в местах массового расселения тверских карел в Калининской области. В 1937 г. там был создан Карельский национальный район с центром в Лихославле. Но это произошло в обстановке подозрительного отношения к карельским руководящим кадрам, наветов и обвинений их в принадлежности к буржуазным контрреволюционным организациям и уже начавшихся массовых репрессий. Начались и закрытие национальных школ, и ликвидация печати на национальных языках. В апреле 1939 г. Карельский район был ликвидирован, что привело к резкому ускорению процессов языковой и этнической ассимиляции, численность тверских карел стала стремительно сокращаться. С 1926 г. по 1959 г. она уменьшилась со 140,6 тыс. до 59,1 тыс. человек; по данным переписи 1989 г., число тверских карел составило лишь 23,2 тыс. человек.

За годы Великой Отечественной войны Карелия понесла большие человеческие потери, были разрушены промышленность и колхозное хозяйство республики. В первые послевоенные годы население Карелии, в том числе сельское, пополнялось за счет реэвакуации местного людей, демобилизации и начатого организованного переселения в республику населения из различных регионов страны. Поток переселенцев (русских, белорусов, украинцев, фин-

нов, литовцев, эстонцев, чувашей, татар и т.д.) устремился в основном на лесозаготовительные предприятия восточных районов Карелии. Из переселенцев формировались и лесные поселки в малообжитых районах западной, северной и отчасти центральной Карелии. В поселениях аграрного сектора, в районах традиционного расселения карел приток инонационального населения был невелик и сельское хозяйство по-прежнему оставалось в основном сферой занятости карел. В 1949 г. доля карел среди работников сельского хозяйства составляла около 70% (Клементьев, Кожанов, 1988. С. 31). Первый послевоенный пятилетний план предусматривал наряду с развитием традиционных для карельской деревни зерноводства и животноводства также рост производства картофеля, овощей, развитие птицеводства, звероводства, оленеводства, пчеловодства, садоводства вплоть до создания сети ягодных плодопитомников (Закон..., 1946). При остром дефиците рабочей силы и недостаточности материально-технической базы в послевоенные годы восстановление сельского хозяйства и переход его на многоотраслевую систему проходили медленно (Клементьев, Кожанов, 1988).

Развитие лесозаготовок, напротив, приобретало все больший размах. Десятилетием наиболее интенсивного наращивания объемов лесозаготовок, строительства лесных поселков стали 1950-е годы, до середины 1950-х годов шел масштабный приток рабочей силы из-за пределов республики. Развитие лесоразработок привело к оттоку населения из сельскохозяйственной сферы. Численность занятых в сельском хозяйстве к 1959 г. по сравнению с 1939 г. сократилась почти на треть, а в лесной промышленности работало почти 50% всего сельского населения Карелии; к 1959 г. каждый четвертый карел стал жителем лесного поселка. Тем не менее среди занятых в лесной промышленности людей процент карел был невысок, так как приток в нее работников других национальностей значительно перекрывал их по численности.

В итоге происходило усложнение этнического состава сельского населения и формирование национально-смешанной среды в местах традиционного расселения карел. К 1959 г. в сельской местности Карелии осталось только 3 сельских района с преимущественно карельским населением – Олонецкий (66,5%), Калевальский (58,6%) и Пряжинский (56,8%). В остальных районах карелы оказались в национальном меньшинстве. Многоэтничная среда стала предпосылкой и причиной расширения межнациональных брачных связей, взаимовлияния народов в хозяйственной, культурной, бытовой сферах, развития межнационального общения на основе русского языка (Кожанов, 1986; Клементьев, 1988; 1994; Клементьев, Кожанов, 1988; 2000; Бирин, 1993).

Укрупнение колхозов и последующая реорганизация их в совхозы в конце 1950-х годов не привели к более эффективному развитию сельского хозяйства. Увеличение капитальных вложений в сельскохозяйственное производство и техническое оснащение деревни были недостаточными и вели к весьма медленному увеличению объемов производства. Не увенчались успехом и попытки в 1980-х годах возродить карельскую деревню путем концентрации производства в крупных аграрных селениях, обычно в центральных усадьбах совхозов. Ориентация на крупные селения не способствовала эффективному использованию земель, и из сельскохозяйственного оборота вышло 78 тыс. гектаров угодий, в том числе 30 тыс. гектаров пашни.

Урбанизация населения, в том числе карел, шла в республике быстрыми темпами: к 1989 г. подавляющая часть карел (61,8%) жила в городах и поселках. К концу 1980-х годов Карелия превратилась в одну из наиболее урбанизированных республик страны – свыше 81% населения республики были жителями го-

родов и поселков городского типа. К настоящему времени в северной и средней Карелии старая сельская система поселений полностью разрушена; резко поре-деля сеть деревень в ареалах карел-ливвиков и карел-людиков. В местах ранее компактного расселения карелы становились национальным меньшинством: в 1989 г. только в Олонецком районе (без учета населения, проживающего в по-селках городского типа) доля карел была выше, чем представителей других на-циональностей, – 62,4%.

С разрушением системы сельских поселений шло свертывание и сети учре-ждений и предприятий культурно-бытового обслуживания населения, закрытие школ и т.д. В сельской местности неотвратимо стали нарастать сложности вос-производства карельского этноса. Уже в конце 1980-х годов каждый 8–9-й сель-ский житель не мог завести семью из-за отсутствия невест. В условиях городов и поселков городского типа, где возможности создания однонациональных се-мей крайне ограничены, а национальный фактор никогда не имел существенно-го значения при заключении брачных союзов, возможности воспроизводства карельского этноса по существу обрываются.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (В.А. Тишков, С.В. Чешко).....	5
ВВЕДЕНИЕ (Н.В. Шлыгина).....	10
ФИННОЯЗЫЧНЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ ПО ДАННЫМ ФИЗИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ	19
Соматология (Г.А. Аксянова)	19
Одонтология (А.А. Зубов)	26
Дерматоглифика (Н.А. Долинова, Г.Л. Хитъ)	30
Краниология (В.И. Хартанович)	32

СААМЫ

Глава 1	
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ (Г.М. Керт)	39
Глава 2	
ЭТНОГЕНЕЗ СААМОВ (Г.М. Керт)	43
Глава 3	
СААМСКИЙ ЯЗЫК (Г.М. Керт)	49
Глава 4	
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СААМОВ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА (Б.И. Кошечкин)	58
Глава 5	
ТРАДИЦИОННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ (Т.В. Лукьянченко)	66
Глава 6	
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА (Т.В. Лукьянченко)	78
Жилище	78
Одежда	85
Пища	92
Способы и средства передвижения	95
Глава 7	
СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ (М.С. Куропятник)	101
Глава 8	
СЕМЬЯ И ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА (Т.В. Лукьянченко).....	108
Глава 9	
ДОХРИСТИАНСКИЕ ВЕРОВАНИЯ.....	118
Древние религиозные представления и обряды кольских саамов (Б.И. Кошечкин)	118
Культовые места саамов в Карелии (И.С. Манюхин).....	125

Глава 10	
ФОЛЬКЛОР, МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА	136
Фольклор (<i>Г.М. Керт</i>)	136
Музыкальная культура (<i>И.К. Травина</i>)	144
Литература (<i>Г.М. Керт</i>)	145
Глава 11	
ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО (<i>А.П. Косменко</i>)	148
 КАРЕЛЫ	
Глава 1	
ИСТОРИЯ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА	160
Гипотезы происхождения карел (<i>С.И. Кочкуркина</i>).....	160
Древняя корела (<i>С.И. Кочкуркина</i>)	161
Карельские земли в XII–XV вв. (<i>С.И. Кочкуркина</i>)	168
История и расселение карел в XVI–XIX вв. (<i>Е.И. Клементьев</i>)	172
Карелия в XX в. (<i>Е.И. Клементьев</i>)	179
Глава 2	
КАРЕЛЬСКИЙ ЯЗЫК	185
Карельский язык и его диалекты (<i>В.Д. Рягоев</i>)	185
Основные черты карельского языка (<i>В.Д. Рягоев</i>)	189
Развитие карельской письменности (<i>Е.И. Клементьев</i>)	193
Языковые процессы в XIX–XX вв. (<i>Е.И. Клементьев</i>)	197
Глава 3	
КАРЕЛЬСКАЯ ТОПОНИМИЯ (<i>Н.Н. Мамонтова</i>)	207
Глава 4	
ТЕНДЕНЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (<i>В.Н. Бирин</i>)	212
Демографическая ситуация в Карелии в XX в.	212
Демографическая ситуация у карел за пределами Карелии	218
Глава 5	
ТРАДИЦИОННЫЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ (<i>Е.И. Клементьев</i>).....	220
Земледелие	220
Животноводство	222
Рыболовство	225
Охота	226
Промыслы и ремесла.....	227
Глава 6	
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	229
Традиционные формы поселений (<i>Е.И. Клементьев</i>).....	229
Поселения и жилища в XX в. (<i>Е.И. Клементьев</i>)	239
Одежда и обувь (<i>Е.И. Клементьев</i> ; археологический очерк – <i>С.И. Кочкуркиной</i>).....	241
Пища (<i>Е.И. Клементьев</i> , <i>Р.Ф. Никольская</i>)	250
Способы передвижения и транспорт (<i>Е.И. Клементьев</i>).....	257
Глава 7	
СЕМЬЯ И ОБРЯДЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА	260
Карельская семья в XIX–XX вв. (<i>Е.И. Клементьев</i>)	260
Обряды жизненного цикла (<i>Ю.Ю. Сурхаско</i> , <i>Е.И. Клементьев</i>)	263